



По Румыніи.

(Цѣтнія впечатлѣнія).

Русскія Унгены... здѣсь покидаешь русскій вагонъ и отдаешь жандарму паспортъ. Даю носильщику деньги для билета, оказывается, билетъ второго класса до Яссъ стоитъ всего 85 к. Минуть черезъ 20 носильщикъ приходитъ за мною. Вотъ и румынскій поѣздъ: маленькіе вагончики съ отдѣльными, не сообщающимися купэ. Стоитъ довольно долго. Ко мнѣ нѣсколько разъ подходятъ какіе-то субъекты и на плохомъ русскомъ языкѣ спрашиваютъ, куда я ѣду, въ первый ли разъ я ѣду въ Румынію и т. п. «Ужъ не агенты ли это полиціи», думаю, и на вопросы не отвѣчаю. Публики на станціи мало, нѣсколько жандармовъ расхаживаютъ по платформѣ. Но вотъ, наконецъ, каждому въ купэ приносятъ паспортъ. Поѣздъ двигается. Мы переѣзжаемъ границу и *останавливаемся уже въ Румыніи—осмотръ багажа и паспортовъ.* И снова здѣсь, когда я стою и жду своей очереди для осмотра багажа, какой-то субъектъ на плохомъ русскомъ языкѣ спрашиваетъ меня, куда я ѣду и въ первый ли разъ я ѣду въ Румынію. Пассажировъ всего нѣсколько человѣкъ. У нѣкоторыхъ, какія-то недоразумѣнія съ паспортами; вѣроятно, они не визированы; что-

то спрашиваютъ и что-то записываютъ, но я не понимаю румынскаго языка. Доходить моя очередь: вещей почти не смотрятъ, за то паспортъ разсматриваютъ внимательно. Чиновники говорятъ по-французски. «Куда вы ѣдете?» спрашиваютъ меня.— Въ Яссы. «Вы остановитесь въ Яссахъ?»— Да. «Гдѣ?» Хорошо, что я въ вагонѣ по пути успѣла у двухъ дамъ узнать о гостинницѣ въ Яссахъ (путеводитель у меня былъ только для Бухареста), а потому я говорю— «Hotel Trauan». «Куда вы ѣдете дальше?»— Въ Бухарестъ и Синаю. «А затѣмъ?»— Вѣроятно, ѣзжаю въ Болгарію. «И такъ, въ Румыніи вы посѣтите Яссы, Бухарестъ и Синаю». И записываютъ карандашемъ на моемъ паспортѣ. «Гдѣ вы остановитесь въ Бухарестѣ и Синаѣ?»— Я не знаю, говорю я.— Я еще не рѣшила. «Вы не знаете? Но во всякомъ случаѣ въ отелѣ?» Да.— «Ну, хорошо», и все пишутъ и пишутъ.

Но, наконецъ, все записано, можно возвращаться въ вагонъ, паспортъ вернуть черезъ нѣкоторое время. Но это время длится безконечно. Я и сижу въ купѣ, и гуляю по платформѣ, и разсматриваю красивую форму румынскихъ жандармъ, снова возвращаюсь въ купѣ и снова гуляю, поглядываю на мѣстность около станціи, а поѣздъ все стоитъ. Неужели они такъ долго возятся съ этими нѣсколькими паспортами? Но все имѣетъ конецъ, паспорта получены и поѣздъ, прождавъ еще немного, двинулся. Кругомъ ровная мѣстность, а вдали синѣющія горы Карпатъ. «Но какъ все свѣжо и зелено, какъ все весело при этомъ яркомъ солнцѣ. Мѣстность довольно населенная. Переѣзжаемъ черезъ Прутъ, здѣсь довольно широкій; возлѣ него много болотъ. Я думаю о томъ, какъ буду ночевать въ Яссахъ, что за гостиница можетъ быть въ этомъ маленькомъ городѣ этой маленькой и, какъ я думаю, некультурной странѣ.— Вѣдь, не правда ли, «Hotel Trauan» лучший въ городѣ? спрашиваю я господина, выглядывающаго изъ окна сосѣдняго купѣ, который ѣдетъ со мною изъ Россіи. «Да», говоритъ онъ, «лучшая». «И ничего, переночевать можно?» «Гостиница очень хорошая. Вы въ первый разъ въ Яссахъ? это очень хорошенкій городокъ». На отдѣльныхъ зеленѣющихъ холмахъ показываются монастыри, церкви, дома, виллы, и, наконецъ, небольшой городъ, окруженный холмами, цестрѣющій зеленою деревьевъ и высокими домами, возвышающимися въ центрѣ.

«Не правда ли, довольно красиво?» спрашиваетъ меня мой сосѣдь. Да, очень, очень мило!

Поѣздъ останавливается. Я въ Яссахъ. Хорошіе экипажи, ку-

черь говорить по-русски. Я їду по чистымъ улицамъ съ хорошими домами, выїзжаю на площадь и останавливаюсь около большого дома—это гостиница. Ея размѣры, прекрасная комната, которую мнѣ даютъ, меня удивляютъ, какъ удивили меня только что и асфальтовая мостовая и электрическое освѣщеніе. Въ гостиницѣ сейчасъ же по прїѣздѣ спрашиваютъ паспортъ.

Я спїшу погулять по городу; онъ, дѣйствительно, очень милъ, въ центрѣ—улица, дома, магазины, церкви—все очень хорошо, а съ боковыхъ улицъ часто открывается чарующій видъ на зеленые холмы, окружающіе городъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ возвышаются церкви и монастыри. Въ городѣ нѣсколько красивыхъ церквей, изъ которыхъ извѣстностью пользуется старинная церковь «Трехъ іерарховъ», построенная въ 1649 г., вся разукрашенная золотомъ и серебромъ.

Вездѣ много зелени, вездѣ чувствуется благоуханіе цвѣтущихъ липъ. Прекрасное зданіе университета расположено на красивой аллеѣ, на которой, чѣмъ дальше, тѣмъ дома, окруженные садами, все больше напоминаютъ дачи. Хорошъ большой городской садъ.

Но видно, что этотъ городъ только что создавшійся, или еще создающійся: все, что величественно, то блеститъ новизной, все старое ломается, разрушается, все кругомъ строится; памятниковъ же старины нѣтъ никакихъ. Публика на улицахъ нарядна, особенно элегантны офицеры и юнкера, а продавцы на улицахъ всѣ въ національныхъ костюмахъ; у мужчинъ онъ весь бѣлый съ цвѣтнымъ поясомъ; поверхъ рубашки, спускающейся обыкновенно до колѣнъ, у нѣкоторыхъ накинута куртка. Извозчики въ Яссахъ почти всѣ русскіе; у нихъ наша упряжь, наши кафтаны, иногда бархатные; у большинства типично русскія лица, хотя многіе здѣсь бреютъ, какъ бороду, такъ и усы. Это или старообрядцы, липоване, или сектанты (скопцы), многіе изъ нихъ переселились сюда въ очень отдаленное время, спасаясь отъ религіозныхъ преслѣдованій. Скопцы, обитающіе здѣсь, образуютъ какъ бы общую религіозную коммуну, старшее лицо которой является ихъ священнослужителемъ и считается какъ бы пророкомъ. Ихъ религіозный культъ и религіозные обряды мало извѣстны, такъ какъ окружены глубокой тайной.

Я подхожу нанимать извозчика, чтобы покататься по городу. Говорите по-русски? «Да», и у самого типичное русское лицо. Ёдемъ по тѣнистой аллеѣ. Когда вы переселились сюда изъ Россіи? спрашиваю я. «Мы здѣшніе, у меня три сына солдаты, наши

отцы переселились сюда». Какъ здѣсь живетъ? «Да не особенно». Земля вѣдь здѣсь хорошая, говорю я. «Да земля-то хорошая, да мало ея». Рассказываетъ, что населеніе бѣдно, всѣ деньги въ рукахъ евреевъ, богатыхъ молдаванъ почти совсѣмъ нѣтъ. Спрашиваю на счетъ войны. «Въ газетахъ пишутъ, что будетъ война, да мы не знаемъ. Съ нашимъ молдаваниномъ какъ станешь воевать, денегъ нѣтъ». Спрашиваю, почему переселились сюда. «Отцы переселились, да почему—не знаю. При Царѣ Николаѣ Павловичѣ выселились, мы старообрядцы. При теперешнемъ Царѣ нашемъ, слышно, хорошо стало жить». Рассказываетъ дальше, что у старообрядцевъ здѣсь своя церковь, есть русская школа, но за послѣднее время они стали больше посѣщать румынскую школу, такъ какъ, зная румынскую грамоту, легче отбывать повинность.

Осмотрѣвъ городъ, на слѣдующій день днемъ я выѣхала въ Бухарестъ. Здѣсь уже совершенно хорошіе поѣзда, удобные вагоны, есть вагонъ-ресторанъ.

Румынскія женщины, вѣроятно, мало путешествуютъ, по крайней мѣрѣ въ поѣздахъ, въ которыхъ я ѣхала, были почти исключительно мужчины, а въ вагонъ-ресторанѣ дамы не было ни одной. Румыны разговорчивы: въ вагонѣ всѣ быстро знакомятся, и идетъ оживленная бесѣда. Разговоръ касается, конечно, злободневныхъ темъ; меня спрашиваютъ, почему я путешествую по Румыніи, не военный ли я корреспондентъ. На станціяхъ, гдѣ поѣзда стоятъ довольно долго, деревенскія дѣвушки въ живописныхъ нарядахъ, продаютъ молоко, землянику, вишни, очень красиво связанные, и другіе фрукты. Почти всѣ пассажиры выбѣгаютъ на станцію и что нибудь покупаютъ. Я рассказываю о странныхъ порядкахъ, которые существуютъ на границѣ, гдѣ спрашиваютъ о томъ, гдѣ остановишься. «Да, мы, румыны, очень любопытны», говоритъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, и это скоро подтверждается: меня спрашиваютъ, кто я, куда и зачѣмъ ѣду, очень интересуются посмотрѣть паспортъ; какъ только я ухожу изъ купэ, разглядываютъ мой путеводитель, мою карту, но все это при неизмѣнной любезности и галантности, которой отличаются румыны. Съ большой охотой и предупредительностью даютъ справки, объясняютъ, помогаютъ на станціи объясниться съ продавцами, переводятъ изъ газетъ интересные телеграммы, и т. д. И что здѣсь удивляетъ—это всеобщее знаніе нѣмецкаго языка. Но къ путешественницамъ здѣсь, повидимому, мало привыкли, такъ какъ всѣ меня спрашиваютъ, съ какой цѣлью я ѣду въ Бухарестъ, и, когда я говорю, что путешествую для своего удовольствія, то удивляются.

Въ 11^{1/2} вечера прѣѣзжаю въ Бухарестъ. Останавливаюсь въ отелѣ «Континенталь»; на слѣдующій день начинаю осмотръ города. «Hotel Continental» расположенъ на театральной площади, которая пересѣкается главной улицей города — Calea Victoria. Театръ—уже устарѣвшее некрасивое зданіе, не соотвѣтствующее другимъ новымъ постройкамъ Бухареста и не отвѣчающее своему положенію въ центральной части города. Театральная площадь—мѣсто, гдѣ стоятъ лучшіе, наиболѣе элегантныя парныя экипажи Бухареста, «русскіе», славящіеся своими отличными колясками и превосходными лошадьми. Кучера въ русскихъ, въ большинствѣ случаевъ, бархатныхъ кафтанахъ.—костюмъ, который переняли отъ нихъ и румынскіе кучера. Ѣздить они очень быстро и притомъ очень дешево. Calea Victoria, съ прекрасными магазинами, улица наибольшаго движенія въ городѣ. Здѣсь находится королевскій дворецъ, а недалеко отъ него роскошное зданіе Athendum, построенное въ подражаніе римскому Пантеону, увѣнчанное большимъ куполомъ. Въ настоящее время здѣсь находится музей.

На Calea Victoria находится также академія съ большой библіотеккой. Calea Victoria пересѣкается большой широкой улицей, обсаженной деревьями, носящей въ различныхъ частяхъ названіе бульвара Университета, Елизаветы, Карла и др.

Здѣсь находится университетъ, здѣсь вдоль всей улицы громадныя многоэтажныя дома, большія площади, увѣнчанныя памятниками. Чѣмъ дальше по бульвару, тѣмъ все болѣе новыхъ домовъ, многіе еще только достраиваются; видно, что эти части города только что создавшіяся. Также блестятъ новизной и почти всѣ общественныя зданія Бухареста; все это дома громадныя, очень красивыя, настоящіе дворцы. Особенно красивы зданіе почты, національнаго банка, сберегательной кассы, суда и др. Бухарестъ—это городъ, создавшійся за какіе-нибудь нѣсколько послѣднихъ десятиковъ лѣтъ, и рѣдкій городъ въ Европѣ, какъ и рѣдкая страна, знали такое быстрое развитіе, какъ Бухарестъ и Румынія. Еще при вступленіи на престолъ Карла I, Бухарестъ, говорятъ, напоминалъ деревню, по его немощенымъ улицамъ. во время дождей трудно было проѣхать, теперь это во всѣхъ отношеніяхъ европейская столица. На главныхъ улицахъ оживленіе необычайное; публика движется иногда сплошной массой, мчатся превосходныя экипажи. Тутъ можно увидѣть красивыя дамскія наряды, полюбоваться румынской женщиной, которая почти всегда элегантна, изящна, которая всегда хочетъ нравиться и для этого, правда, очень часто не

жалѣть ни красокъ, ни бѣлилъ, здѣсь можно наблюдать ту жизнь, которая создала Бухаресту названіе «маленькаго Парижа».

Многочисленныя кондитерскія, которыя такъ любятъ румыны, полны публикой, а въ ресторанахъ гремятъ замѣчательно-увлекательныя звуки унганскихъ оркестровъ. А въ другой части города, на чудной громадной аллеѣ, носящей названіе «шоссе Кисилево», въ память русскаго губернатора, создавшаго этотъ паркъ, часовъ около шести, тоже гулянье. Здѣсь или прогуливаются въ экипажахъ, или мчатся въ автомобилѣ. А вдоль всего шоссе чудныя виллы, утопающія въ зелени и цвѣтахъ, роскошь—которую могутъ себѣ позволить очень богатые представители румынской аристократіи и которыхъ по старинѣ здѣсь называютъ «боярами».

За городомъ находится также дворецъ наслѣдника, окруженный большимъ паркомъ.

Помимо загороднаго парка въ городѣ находится еще нѣсколько садовъ, изъ которыхъ особенно выдѣляется Cismique со своими красивыми прудами и множествомъ цвѣтовъ. Церкви въ Бухарестѣ—не являясь памятниками старины—своимъ стилемъ почти ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ церквей. Изъ нихъ, можетъ быть, наиболѣе красива Domna Balascho, расположенная въ садикѣ, блестящая золотомъ и всевозможными богатствами. Наибольшей извѣстностью пользуется митрополичья церковь, дорогая по важному историческому воспоминанію—здѣсь происходило коронованіе румынскаго короля Карла I. Отъ этой церкви открывается красивый видъ на городъ. Достоянна вниманія находящаяся около почты маленькая церковь Stavropoles.

Но если Бухарестъ сталъ теперь вполне европейскимъ городомъ, это не мѣшаетъ національному элементу проявляться въ уличной жизни, придавая ей и больше оживленія и больше интереса. Уличными продавцами такъ и кишатъ улицы Бухареста и чего только здѣсь не продаютъ: здѣсь и булки, и вода, и сласти, орѣхи, фисташки, и какое-то мѣстное пиво и всевозможныя другіе напитки, здѣсь и фрукты и овощи и т. д., и всѣ эти продавцы въ своихъ красивыхъ бѣлыхъ расшитыхъ костюмахъ. А въ извѣстные часы по улицамъ бѣгаютъ газетчики и выкрикиваютъ во весь голосъ послѣднія сенсаціонныя новости. При мнѣ на второй день моего пріѣзда газетчики мчались по улицѣ, газеты расхватывались на ходу, около зданія Національнаго банка, куда я въ это время шла, образовалась кругомъ мальчишки-газетчика цѣлая толпа, люди выбѣгали изъ сосѣднихъ магазиновъ и среди громкихъ выкриковъ

на незнакомомъ мнѣ языкѣ я могла понять только одно слово— «мобилизація». Но извѣстіе это тогда еще было преждевременнымъ, мобилизація не была еще объявлена, она готовилась, и была объявлена шесть дней спустя.

Для того, чтобы лучше познакомиться съ народными типами, я отправилась въ пятницу на окраину города въ Овог, гдѣ два раза въ недѣлю (по вторникамъ и пятницамъ) происходитъ базаръ, на который съ окрестныхъ селъ съѣзжаются крестьяне и крестьянки со своими продуктами. Типы здѣсь, дѣйствительно, интереснѣе. Но мнѣ особенно понравились въ конскомъ отдѣлѣ цыгане и продавцы лошадей. Такихъ дико-выразительныхъ темныхъ лицъ, такихъ какъ уголь, черныхъ волосъ, локонами падавшихъ на плечи— мнѣ никогда еще не приходилось видѣть у цыганъ.

Здѣсь же въ Овогъ разъ въ годъ, во время Троицы, происходитъ большая ярмарка, которая традиціонно посѣщается не только высшимъ обществомъ, но также и королемъ и всѣми членами королевской семьи.

Нарядное общество, которое можно видѣть на Calea Victoria и на «шоссе Кисилева» съ наступленіемъ лѣта, обыкновенно изнурительно жаркаго въ Бухарестѣ, покидаетъ городъ и ищетъ прохлады въ дачныхъ горныхъ мѣстахъ, или на берегу моря. Изъ такихъ дачныхъ мѣстъ особенной извѣстностью пользуется Синая. Туда, осмотрѣвъ Бухарестъ, отправилась и я.

Дорога изъ Бухареста въ Синаю, сначала довольно однообразная, затѣмъ становится интереснѣе. Около станцій Planina и Ploesti мѣстность чрезвычайно богата нефтью. Нефтяныя вышки и резервуары тянутся вдоль самаго пути. Дальше съ двухъ сторонъ дороги начинаютъ появляться холмы, горы, которыя здѣсь всѣ покрыты богатѣйшимъ лѣсомъ: сосны, а выше дубъ до самой вершины покрываютъ горы.

Поѣздъ большей частью идетъ узкимъ ущельемъ; вотъ вдоль пути извиается ручеекъ, теперь онъ спалъ и тихъ, а въ прошломъ году, рассказываютъ пассажиры, испортилъ полотно желѣзной дороги. Мѣстность оживленная: домики, дачи, нѣсколько заводовъ. Проходимъ черезъ два туннеля. Поѣздъ переполненъ. Это или румыны, которые стремятся воспользоваться каникулами, чтобы повеселиться гдѣ-нибудь на западѣ, или же лица, которыя ѣдутъ съ востока, такъ какъ теперь нѣтъ проѣзда черезъ Болгарію, и всѣ ѣдутъ черезъ Констанцу—Бухарестъ. Около меня голландецъ, который ѣдетъ изъ Константинополя. Я его спрашиваю, спокойно ли

тамъ. «По городу», говоритъ онъ; «все время разъѣзжаютъ патрули, недавно повѣсили 11 человекъ. Это были лица, которыя принимали участіе въ заговорѣ на убійство Махмутъ-Шефкетъ-паши». Но въ общемъ все спокойно? повторяю я свой вопросъ. Онъ улыбается. «Ну, если вы это называете спокойствіемъ, то, если хотите, да».

Я спрашиваю румынъ про послѣднія газетныя извѣстія. Одно изъ послѣднихъ это сенсационная телеграмма о появленіи русской эскадры около Варны.

Но вотъ мѣстность начинаетъ все болѣе и болѣе оживляться—мы подъѣзжаемъ къ Синаѣ. Синая красива. Недалеко отъ вокзала (теперь строится новый) находится большое красивое бѣлое зданіе—это казино; рядомъ съ нимъ «Palace Hotel». кругомъ садъ.

Все мѣстечко пересѣкаетъ большая тѣнистая аллея, на ней вторая большая гостиница «Caramain», ресторанъ, skatingring, кинематографы и чудныя виллы. Во всѣ стороны расходятся дороги—это всегда прекрасныя шоссе, почти всѣ тѣнистыя и обрамленныя виллами, вездѣ чудныя виды на горы, на лѣса, на дачи. Иду по дорогѣ, которая, извиваясь, поднимается въ гору. Вотъ у дороги прекрасная церковь византійской архитектуры: съ золотыми куполами она сама такъ и блеститъ позолотой, Съ террасы передъ церковью чудный видъ на весь курортъ. Я иду выше по дорогѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ дачъ становится все меньше, наконецъ, вступаешь въ густой сосновый боръ.

Если отъ церкви свернуть вправо, то придешь ко дворцу короля «Peles». Дорога чудесная. На склонѣ холма дворецъ съ остроконечной верхушкой, съ маленькими башенками. Передъ дворцомъ видѣются статуи, цвѣтники, а кругомъ лугъ, усыянный множествомъ цвѣтовъ. Дворецъ Peles—любимое мѣсто пребыванія Кармень-Сильвы. Здѣсь среди этой чарующей природы находила она вдохновеніе для своихъ произведеній.

М. В.

(Окончаніе слѣдуетъ).

